

Уильям Шекспир

библиотека классики

Уильям Шекспир

Уильям Шекспир

СОНЕТЫ
В разных переводах

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Ш41

Серия «Библиотека классики»

Перевод с английского

Серийное оформление и дизайн обложки

В. Воронина

Шекспир, Уильям.
Ш41 Сонеты : [перевод с английского] / Уильям Шекспир. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-182961-2

Уильям Шекспир вошел в историю как один из величайших драматургов всех времен и народов, однако его творческое наследие не ограничивается блестящими комедиями и трагедиями, важное место в нем занимают сонеты. Впервые опубликованные без ведома автора и долгие годы не переиздаваемые, они постепенно завоевали признание публики, а поэт Уильям Вордсворт (1770–1850) и вовсе назвал сонеты «ключом к пониманию сердца Шекспира». В этих стихах, расшифровке которых посвящены целые научные исследования, переплетаются самые разные проявления любви, философские размышления и безжалостный самоанализ, яркие образы и меткие метафоры, изумительные рифмы и чарующие сравнения.

В данном издании сонеты Шекспира приводятся сразу в четырех вариантах — в оригинале, а также в переводах Анатолия Либермана, Модеста Чайковского и целого сонма переводчиков, среди которых знаменитые поэты Валерий Брюсов и Николай Гумилев. Некоторые сонеты сопровождаются информативными комментариями А. Либермана.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-17-182961-2

© Перевод. А. Либерман, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

SONNETS

Сонеты

TO THE ONLIE BEGETTER
OF THESE INSUING SONNETS
Mr. W. H. ALL HAPPINESSE
AND THAT ETERNITIE
PROMISED BY OUR EVER-LIVING POET
WISHETH THE WELL-WISHING
ADVENTURER IN SETTING FORTH

T. T.

Сонет I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникал такой же юный всход.

А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нещаден к прелести своей, как лютый враг.

Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный
Ликующей весны, — хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скупости своей.

Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.

Перевод В. С. Лихачева

От красоты расцвета люди ждут:
У розы все должно быть впереди.
Но годы зрелость к старости ведут —
Лишь от наследника спасенья жди.
Ты дивной красоты своей жених.
Свеча горит, но тает воск в бессилье.
Лучистые глаза — что проку в них?
Запомни: голод сменит изобилье.
Всем прелестям земли ты задал тон,
Весны роскошный вестник и гонец,
Но семя ты свое зарыл в бутон —
О, как ты расточителен, скупец!
Со смертью вместе, свой цветок пожрав,
Ты мир лишишь его законных прав.

Перевод А. С. Либермана

Мы красоте желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, —
Чтоб зрелый плод, — как все, добыча тленья —
Нам нежного наследника давал.
А ты, плененный сам собой, питая
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодые вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру вешних дней отрада,
Один глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей услады,
Скупец и мот небесной красоты.
Так пожалей же мир, иначе плод
Твоей красы с тобою гроб пожрет.

Перевод М. И. Чайковского

За сорок лет твой лоб затопчут годы;
Поникнув, сдастся красота твоя,
И яркий плащ, законодатель моды,
Окончит век среди старого тряпья.
И если скажешь: «Прежний блеск вельможный
И страсти клад, дарованный судьбой,
В потухшем взоре я храню надежно», —
То это будет жалкой похвальбой.
Поверь, ты б клад бесценный преумножил
И счета свел с природою честней,
Сказав: «Вот сын мой. В нем я снова ожил,
В нем продолженье юности моей», —
И видел бы, как расцветает в сыне
Все то, что так в самом прекрасно ныне.

Перевод А. С. Либермана

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,
Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота былая,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: «В глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь: «Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье...»
И снова лик твой миру зацветет.
Так, стариком, ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
 But if thou live, remember'd not to be,
 Die single, and thine image dies with thee.

Ты видишь в зеркале свое изображение?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.

Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?

Для матери твоей ты зеркало такое ж,
Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.

Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один — без отраженья.

Перевод В. С. Лихачева

Вот зеркало. Ты видишь отраженье?
Пока одно, а быть должно вас двое.
Создай в расцветших красках повторенье,
Чтоб жили мы и женщины в покое.
Где та, которой не вспахал ты клин,
Не пожелавшая такого плуга?
Где тот, кто прожил, как глупец, один,
Влюблен в себя и не нашедший друга?
Ты отраженье матери своей,
В твоём лице её апреля нега;
Так ты в окне грядущих зимних дней
Весну увидишь, а не гору снега.
 Но если сам ты сгинешь без следа,
 То образ тот исчезнет навсегда.

Перевод А. С. Либермана

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать.
Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты отблеск матери, верни ж и ты ей
Апрель её красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
 Но коль не хочешь памяти людей,
 Умри один с наружностью своей!

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
 Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
 Which, used, lives th' executor to be.

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

Перевод Н. В. Гербея

Красавец, не прижмист ты, но в толк
Я не возьму: где ж красоты наследство?
Свои дары дает природа в долг,
Вручая щедрым для отдачи средства.
Скупец прелестнейший! Вопрос мой прост:
Ты расточаешь на себя щедроты?
Какой ты ростовщик! Не виден рост;
Ответь: богатства тратишь на кого ты?
Любить себя — самообман, игра;
Ты вдохновенно лишь себя лелеешь.
Что скажешь ты, когда придет пора,
Какой отчет природе дать сумеешь?
 Прекрасное, не пущенное в дело,
 Как труп, как в гроб опущенное тело.

Перевод А. С. Либермана

Прелестный мот небесных чар, не трать
Сам на себя дары благой природы!
Свободная, она ведь может взять
То, что дарует в долг детям свободы.
И так, зачем ты, красота скупая,
Не отдаешь с щедротой то, что щедро
Тебе дано, без пользы возвращая
Сокровище в сокровищное недро?
Имея дело только сам с собой,
У чар твоих крадешь ты обаянье,
И в день Суда, за гробовой доской
Какое ты предъявишь оправданье?
 Бесплодная краса умрет с тобой,
 Но, давши плод, останется живой.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
 But flowers distill'd, though they with winter meet,
 Leese but their show; their substance still lives sweet.

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, —
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,
Чтоб сохранить следы весны в стекле, —
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, — и есть предел утрате:
Хоть нет цветов, — есть жизнь в их аромате.

Перевод Н. А. Холодковского

Во всех шедеврах дней ушедших труд;
Ликует взор, мила их красота нам,
Но дни спешат и красоту крадут,
Своим твореньям сделавшись тираном.
Безостановочное Время шлет
Мертвящие морозы вслед за летом;
Тепло — в темнице, всюду снег и лед,
И стынут соки в дереве раздетом.
Когда б не заключали мы цветы
Текучим пленником в стекло флакона,
О красках отошедшей красоты
Забыл бы мир в дремоте без урона.

Но жив в духах разлитый дух цветов,
И он сильнее зимних холодов.

Перевод А. С. Либермана

Те самые часы, что нам родят
Прелестный лик, чарующий все взгляды,
Как злой тиран в тиши готовят яд,
Чтоб смыть с лица блеск вешнего наряда.
Ведь время неустанно гонит лето
К убожеству уродливой зимы,
Где снегом все, как саваном, одето,
Где листья и цветы — добыча тьмы.
Когда в стенах хрустального фиала
Не жил бы вешний запах и зимой,
То сладость бы его не оживала,
И память бы о нем была немой.

Но, извлеченный из цветов, зимою
Хранит он хоть на вид — их суть собою.

Перевод М. И. Чайковского

